

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ПРАВОСЛАВИЕ ПРОТИВ ПРАВОСЛАВИЯ: СИТУАЦИЯ НА (В) УКРАИНЕ

10 июня 2015 г. | Москва

Докладчик:

Роман Лункин

ведущий научный сотрудник Института
Европы РАН, заместитель главного редактора
журнала «Современная Европа»

Украинское общество исторически было более религиозным, чем российское. В Украине было больше религиозного плюрализма, бурно развивались самые разные движения, которые затем приходили в Россию (протестантизм); Украина снабжала кадрами православную церковь и евангельские общины. Даже по численности религиозных объединений сейчас Украина превосходит Россию.

Религиозный фактор играет исключительную роль в Украине. Церкви непосредственно участвуют в политике, религиозная принадлежность политиков и судьбы церквей обсуждаются в ходе выборов и разного рода социальных конфликтов. Евромайдан, свержение Виктора Януковича, война на Донбассе поставили церкви в центр политической арены.

Во время майдана различные церкви заняли консолидированную позицию, которая проявилась в заявлениях созданного еще в 1996 году и активизировавшего свою деятельность во время президентства Виктора Ющенко Всеукраинского совета церквей и религиозных объединений (ВСЦ). Значение совета в том, что он объединяет все православные юрисдикции (УПЦ МП, УПЦ КП, УАПЦ), греко-католиков, католиков и целый ряд протестантских объединений (лютеране, баптисты, пятидесятники, адвентисты) — всего 18 объединений. В ходе событий 2014 года члены ВСЦ были активны на самом майдане, выполняя миротворческую роль и устраивая молитвенные палатки; проводились встречи с новым руководством страны (с Александром Турчиновым, Арсением Яценюком и Петром Порошенко).

В рамках ВСЦ все церкви (даже конкурирующие и/или не признающие друг друга) согласны вокруг ряда пунктов: поддержка евроинтеграции Украины, осуждение коррупционного режима В. Януковича, необходимость защиты суверенитета и целостности Украины, признание наличия агрессии со стороны России (частично на Донбассе и в рамках аннексии Крыма), значение демократических ценностей. Все эти пункты сложились в общую для всех церквей «теологию майдана», которая выросла из «революции свободы и достоинства»: церкви объединяет признание благотворного значения народного выступления против применившей насилие власти, уважение к «Небесной сотне», гордость за граждан и гражданское общество, проявившее себя на майдане, в том числе через церкви.

Однако дальше начинаются разногласия, которые усугубили военная ситуация на Юго-Востоке Украины и межцерковные противоречия. «Теология майдана» включает в себя как националистов, желающих создать единую православную церковь, которая отражала бы только их интересы, так и патриотов, которые признают плюрализм церквей и не считают, что надо все украинизировать. Признание агрессии со стороны России не означает автоматически радикального неприятия всего русского (на первом плане — неприятие лично Путина). Кроме того, среди борцов с агрессией выделяются партии войны и мира — есть сторонники войны и искоренения «боевиков» на Донбассе, а есть те, кто признают военные действия гражданской (или, по крайней мере, сложной, без уничижительных оценок жителей Юго-Востока) войной и выступают за мир без уничтожения «сепаратистов». А европейский вектор не всегда означает десоветизацию. Каждая церковь или группы внутри церквей по-своему развивают и понимают завоевания майдана.

Киевский патриархат стал основным рупором милитаристской риторики, полностью поддержав в этой части позицию киевских властей (публичные выступления патриарха Филарета повторяют лозунги о войне до победного конца, об угрозе третьей мировой войны со стороны РФ и т. д.). УПЦ КП стала «церковью войны», используя ситуацию и поддержку правящего националистического режима, чтобы стать единой национальной церковью.

Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) не стала активным игроком в ходе кризиса, учитывая смерть главы церкви митрополита Мефодия (февраль 2015 г.). Фактически УАПЦ солидаризировалась с УПЦ КП, объявив о переговорах об объединении двух церквей (июнь 2015 г.). Вместе с тем новый глава УАПЦ митрополит Макарий выражал раздражение по поводу того, что властные структуры настойчиво подталкивают УАПЦ к объединению с УПЦ КП.

Греко-католики (УГКЦ) в лице верховного архиепископа Святослава (Шевчука) вплоть до 2015 года делали довольно резкие заявления в адрес России и о необходимости «победить врага». Однако затем УГКЦ ушла в тень — после того, как папа Франциск четко обозначил свое мнение в феврале и в июне 2015 года: война в Украине братоубийственная, и необходим мир, а не призывы к победе или к поражению какой-либо из сторон (Святослав публично выразил сожаление по поводу слов папы). УГКЦ заявляет, как и УПЦ КП, о гонениях на своих служителей на Донбассе и в Крыму, но, несмотря на большую роль на майдане, она неактивна в войне против России: это не война греко-католиков. При всей своей враждебности по отношению к России — и в отсутствие влияния на востоке Украины — УГКЦ ослабила антироссийскую проповедь. Сторонников единой УПЦ Святослав разочаровал заявлением, что есть одна каноническая церковь — УПЦ МП (октябрь 2014 г.).

Протестантские церкви в лице своих представителей в ВСЦ заняли крайнюю точку зрения (требовали от российских лидеров осудить агрессию России), призывали к победе над «террористами» на Донбассе, мотивируя это, в том числе, преодолением советского прошлого и необходимостью построения европейской демократии. В рамках ВСЦ протестанты скорее симпатизируют Киевскому патриархату (евангеликам близко понятие «национальная церковь»; с флагами Украины пасторы до последнего стояли, к примеру, в центре Донецка, а один был убит в бою с сепаратистами). Между тем в самих евангельских церквях намного больше непроявленного плюрализма мнений (пророссийских и националистических), чем это представлено в публичном пространстве.

«Теология майдана» для протестантов в большей степени связана с новыми возможностями для христианской миссии и с десоветизацией, с социальным служением в зоне АТО.

Российские церкви долгое время, до мая 2014 года, выдерживали достаточно взвешенную позицию. Однако в мае 2014 года съезд РСХБ принял резолюцию, в которой осуждался «мятеж», произошедший в Украине, и Турчинов лично. РОСХВЕ в январе 2015 г. основал епархию в Крыму, то есть протестанты в России заняли даже более лояльную по отношению к власти позицию, чем РПЦ.

Единственными церквями, которые сохраняют нейтралитет в военной ситуации, стали Армянская апостольская церковь, адвентисты и Евангелическо-Лютеранская церковь (одновременно лютеране активно помогали протестующим на майдане).

Представители иудаизма выступили против санкций и против героизации фашизма, при этом активно поддержав празднование Дня Победы 9 мая, что также стало важным фактором влияния на политиков.

В создавшейся ситуации УПЦ (Московского патриархата) стала единственной церковью, внутри которой представлены полярные точки зрения (за и против единства с РПЦ, разное отношение к идее «единой церкви» — то есть к переговорам с УЦП КП, отношение к войне, к украинизации и десоветизации). На этом фоне митрополит Онуфрий, с точки зрения националистов, отмалчивается и упускает шанс возглавить гражданское сопротивление агрессии, не желая отделяться от РПЦ. Однако УПЦ МП и Онуфрия трудно обвинить в

непатриотизме — глава УПЦ постоянно объезжает приграничные с регионом АТО епархии; гуманитарная миссия УПЦ МП для беженцев и раненых — и для солдат в целом — самая большая среди всех церквей. На фронте работают капелланы — причем по обе стороны фронта. В связи с этим именно у УПЦ в будущем есть все шансы стать церковью, которая сможет объединить в одном государстве Запад и Восток Украины, непримиримых оппонентов, которых столкнула война в разных регионах Украины.

Между тем УПЦ МП пытаются исключить из политического процесса. Результатом майдана стало большое влияние националистов на руководство Украины, в том числе в религиозной сфере. Нельзя сказать, что президент П. Порошенко (прихожанин УПЦ МП) и правительство А. Яценюка (прихожанин УГКЦ), а также Верховная Рада отражают мнение какой-либо церкви. При безусловном внимании к патриарху УПЦ КП Филарету (он надеется, что на основе КП и при поддержке государства будет создана «единая церковь») власти в публичном поле сотрудничают в целом с ВСЦ, будучи благодарными совету за его позицию по майдану и всем церквям за поддержку солдат в рамках АТО и не выделяя УПЦ МП. ВСЦ лоббирует интересы всех церквей, но в самой структуре ВСЦ и вокруг совета большую роль играют протестанты (через Институт религиозной свободы), представители МП и КП — сторонники «единой церкви» и «партии войны» (лично у каждого свое сочетание приоритетов, но за уменьшение влияния МП, например, религиоведы во власти — новый глава Комитета по делам национальностей и религий Андрей Юраш и депутат Рады, советник А. Яценюка Виктор Еленский). На консультации о мире на Донбассе не приглашают УПЦ МП, в отчетах о гонениях на верующих на востоке Украины для ОБСЕ УПЦ МП упоминается чуть ли не как пособник гонителей-сепаратистов.

Наряду с этим «Оппозиционный блок», представленный в Раде, ориентирован на УПЦ МП (лидер Юрий Бойко в 2011 г. получил орден от патриарха Кирилла). Его депутаты заявляли о том, что не допустят насильственного перехода приходов в другую церковь (Александр Вилкул, октябрь 2014 г.), поддерживали УПЦ, когда Киевсовет увеличил налоги именно для нее (А. Вилкул, январь 2015 г.), а также говорили о том, что единственная поместная церковь — УПЦ во главе с митр. Онуфрием (депутат Вадим Новицкий). Однако православие не играет первой роли в риторике депутатов блока, поскольку УПЦ и сама, и в рамках ВСЦ активно сотрудничает и получает вместе с другими церквями преференции и льготы от П. Порошенко и правительства А. Яценюка. В связи с этим блок ориентируется скорее на маргиналов, не принимающих «революцию свободы и достоинства» внутри УПЦ МП.

Националистический режим в Киеве, сторонники «партии войны» в обществе оказывают большое психологическое давление на УПЦ МП, стараются ее дискредитировать, создав милитаристский образ РПЦ. Она якобы управляет УПЦ МП из стана «агрессора», посылает казаков на Донбасс, оправдывает действия Владимира Путина, руководит «Русской православной армией», благословляет лидеров ЛНР и ДНР, хотя никаких подтверждений этому нет (скорее наоборот — несмотря на эйфорию внутри страны, в РПЦ были наказаны священники, благословлявшие добровольцев, едущих на Юго-Восток Украины).

Реальные противоречия в позициях Владимира Путина и патриарха Кирилла неизвестны. Можно лишь констатировать, что впервые в путинской России позиция Церкви не совпадает с мнением президента В. Путина — как по поводу присоединения и «священности» Крыма (РПЦ сохраняет статус-кво в Крыму), так и по оценке майдана и сущности власти в Киеве, по вопросу фактической поддержки ЛНР и ДНР. Патриарх Кирилл избегает в любой форме повторять или комментировать риторику В. Путина по этим вопросам. Сама РПЦ стала заложником политики Путина: что бы ни заявлял патриарх — или если он молчит — все равно позиция МП считается кремлевской.

Кризис ослабил влияние РПЦ на постсоветском пространстве, усилил угрозу того, что РПЦ уменьшится наполовину за счет отделения УПЦ МП, в других странах посеял сомнения в возможности РПЦ стать восточнославянским Ватиканом. Рухнули амбиции патриарха Кирилла (корректировка патриархом «русского мира» — теперь как чисто культурного, а не имперского понятия — в марте 2014 г. мало помогла). Катастрофичность положения осознавалась перед аннексией Крыма — скорее всего, по согласованию с патриархом Кириллом митр. Онуфрий посылал письма к В. Путину с мольбой не разделять Украину, не заботясь о последствиях.

В условиях кризиса происходит радикализация политики националистического режима в Украине — это попытки ослабить УПЦ МП и сделать Киевский патриархат моноцерковью Украины, украинизация с отказом от русского языка и неприятием русской культуры, национализм в виде обязательности принятия новых героев Украины (ОУН-УПА вместо Красной Армии, героев, воевавших против сепаратистов, и т. д.), желание де-факто отделения либо попытки уничтожить «сепаратистов» и местное якобы «советизированное» население на Донбассе. Такая программа власти не способна стать общей для Левобережной и Правобережной Украины. Западу Украины чужды проблемы УПЦ КП и Донбасса, Восток занят войной; Киевский патриархат можно сделать «единой поместной церковью» лишь силой. А значит, рано или поздно неизбежны разочарование в националистической политике и новый виток политической борьбы с участием церковных сил. Одновременно будет происходить модернизация украинских церквей, которые признают и богословски обосновывают ценности демократии.